

ГODOBШИHA CMEPTИ B. Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ

ФФФФФ

ПАНИХИДЫ.

Заупокойная литургия и панихида совершались в церкви св. Духа Александро-Невской лавры.

Пѣлъ полный хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ подъ управленіемъ И. Я. Тернова.

Среди молящихся: предсѣд. госуд. думы А. И. Гучковъ съ супругой, драматургъ Е. П. Карповъ, братъ покойной Н. Ф. Коммиссаржевской, учительница покойной артистки старушка Е. А. Леманъ, артисты частныхъ сценъ.

Пришло очень много учащейся молодежи, преимущественно слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и студенты спб. университета.

Молодежь почтила память В. Ф. возложеніемъ на ея могилу вѣнка.

Былъ вѣнокъ отъ труппы «Новаго драматическаго театра».

Послѣ краткой литіи у могилы В. Ф. была совершена по желанію всѣхъ собравшихся новая панихида.

Весь могильный холмъ положительно былъ засыпанъ живыми цвѣтами.

ВЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ.

Въ 3 часа дня въ Казанскомъ соборѣ была отслужена панихида отъ «перваго драматическаго передвижнаго и общедоступнаго театра» (театръ графини Паниной).

Въ числѣ молившихся были: П. П. Гайдебуровъ, сестра покойной Н. Ф. Скарская и друг.

Было также много учащейся молодежи.

Новый драматическій театръ посвятилъ день свѣтлой памяти обаятельнѣйшей изъ русскихъ артистокъ послѣдняго двадцатилѣтія. И отраднo было убѣдиться въ томъ, насколько сильна и глубока память о ней въ быстро смѣняющей свои настроенія петербургской, такъ легко воспламеняющейся и такъ скоро остывающей публикѣ. Вы безъ труда припомните рядъ не мевѣ, если не болѣе громкихъ именъ отошедшихъ въ вѣчность дѣятелей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, и съ неменьшей ясностью вспомните, какой травой забвенія поросли ихъ могилы чуть ли не на девятый день послѣ ихъ кончины.

Коммиссаржевская умерла годъ назадъ. И несмотря на этотъ слишкомъ долгій для нашего привычно-равнодушнаго общества срокъ, одна вѣсть, что въ этотъ четвергъ будутъ чтить память вдохновенной артистки, собрала пеструю массу народа.

Театръ былъ переполненъ. Конечно, преобладала молодежь, но отсутствовали... литература и нашъ «чуткій» артистическій міръ.

Начали съ панихиды, которая была отслужена въ фойѣ Новаго драматическаго театра въ присутствіи всей публики.

Затѣмъ начался «день памяти Коммиссаржевской».

Г-жа Штембергъ съ глубокимъ настроеніемъ сыграла шопеновскій «Marche funèbre», который публика благоговѣнно прослушала стоя.

Затѣмъ вышелъ г. О. Дымовъ и доложилъ свой «взглядъ и пѣчто» о В. Ф. Коммиссар-

жевской. Ужъ этотъ мнѣ писатель! Ужъ этотъ «ню-ню» Дымовъ! Все-то онъ тѣшитъ сказать слово не просто, а съ ужимкой. Все-то онъ старается прыгнуть на поднойма выше себя...

Стараясь во чтобы-то ни стало, «разсудку вопреки», доказать историческое значеніе В. Ф. Коммиссаржевской для Россіи, лекторъ вывелъ ея «миссію» въ нашу, такъ называемую, эпоху освободительнаго движенія. И въ результатъ—такой эквилибристическій выводъ: «окончился подвигъ, исполнена миссія и Коммиссаржевская ушла». Мало того. «Въ каждой пьесѣ—говорилъ г. О. Дымовъ—былъ предугазанъ путь Коммиссаржевской. Мы всѣ это видѣли, знали, но боялись вѣрить, не хотѣли вѣрить».

Г. Дымовъ говорилъ объ этомъ вполне серьезно. Онъ съ чувствомъ декламировалъ о томъ, что «Коммиссаржевская умерла кстати для себя» и что ее убила вовсе не оспа. Нѣтъ. Она пала жертвой реакціи и наступившихъ съ ней опошленія и приниженія вкусовъ и требованій русскаго общества. Она угасла, «какъ умираетъ капитанъ на своемъ тонущемъ кораблѣ».

Правда, справедливость требуетъ сказать, что, докладывая эти публицистическія упражненія третьяго сорта, г. Дымовъ въ одномъ мѣстѣ оговорился. Онъ сказалъ, что это говорить не столько онъ, сколько «коверъ, купленный на базарѣ въ Самаркандѣ» и перенесшій оспенную заразу на знаменитую артистку. Ну, коверу, да еще самаркандскому все простибельно...

Читалъ г. Дымовъ съ чувствомъ, но на какомъ-то нео-русскомъ языкѣ. Избитое сравненіе Коммиссаржевской съ бѣлой чайкой онъ подновилъ тѣмъ, что отвелъ этой чайкѣ мѣсто «на берегу нахвитающейся рѣки русской исторіи». И затѣмъ, «во взмахѣ ея бѣлыхъ крыльевъ»—пропали моя телѣга, всѣ четыре колеса!—г. Дымовъ усмотрѣлъ «отсвѣтъ идеи, пославшей и благословившей ее на служеніе и подвигъ». Такъ безграмотно сочиняютъ свои нескладницы современные русскіе писатели изъ «молодыхъ», на равнодушіе къ которымъ пылѣвшей публики такъ горько жаловался въ своемъ рефератѣ занимательный лекторъ. Онъ же перестраивалъ русскій языкъ и на другой ладъ: въ словѣ «хозяевамъ» дѣлалъ энергичное удареніе на послѣднемъ слогѣ, а слово «щедро» съ большимъ аппетитомъ и смакомъ произносилъ «щѣдро».

Впрочемъ, г. Дымовъ заявилъ, что ставить очень высоко «русскихъ европейцевъ» гг. Волынского и Минскаго.

Вѣроятно, и его языкъ тоже «русско-европейскій»... Ахъ, если-бы эти «европейцы» были немножко жалостливы по-русски!

Послѣ г. Дымова читала два стихотворенія г-жа Шенкина-Куперникъ артистка г-жа Мицурина. Первое стихотвореніе довольно недурное, но растянутое. Читала г-жа Мицуринна съ нарочитой слезливостью въ голосѣ, и это рѣзало фальшью. Великолѣпно спѣлъ г. Тартаковъ. Очень понравился красивый мягкій басъ г. Макарова. Стройно спѣлъ хоръ учениковъ и ученицъ Консерваторіи подъ управленіемъ г. Гебена. Съ большою экспрессіей читали талантливыя В. В. Самойловъ и г. Неволинъ.

Аплодисментовъ не было. Публику воспитательно предупреждали аншлагами въ вѣстий: «Просить не аплодировать»...

„Петербургская газета“, гор. С. Петербург.
1912. 11 февраля

ПАНИХИДЫ.

Заупокойная литургія и панихида совершались въ церкви св. Духа Александро-Невской лавры.

Пѣлъ полный хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ подъ управленіемъ И. Я. Тернова.

Среди молящихся: предсѣд. госуд. думы А. И. Гучковъ съ супругой, драматургъ Е. П. Карповъ, братъ покойной Н. Ф. Коммиссаржевской, учительница покойной артистки старушка Е. А. Леманъ, артисты частныхъ сценъ.

Пришло очень много учащейся молодежи, преимущественно слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и студенты спб. университета.

Молодежь почтила память В. Ф. возложеніемъ на ея могилу вѣнка.

Былъ вѣнокъ отъ труппы «Новаго драматическаго театра».

Послѣ краткой лѣтіи у могилы В. Ф. была совершена по желанію всѣхъ собравшихся новая панихида.

Весь могильный холмъ положительно былъ засыпанъ живыми цвѣтами.

ВЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ.

Въ 3 часа дня въ Казанскомъ соборѣ была отслужена панихида отъ «перваго драматическаго передвижнаго и общедоступнаго театра» (театръ графини Паниной).

Въ числѣ молившихся были: П. П. Гайдубуровъ, сестра покойной Н. Ф. Скарская и друг.

Было также много учащейся молодежи.